

В. Л. Васильев, Н. Н. Вихрова

Новгородский государственный университет
им. Ярослава Мудрого
Великий Новгород, Россия
vihnn@mai.ru

Топонимика и археология: аспекты взаимодействия*

Изучение древней лингвоэтнической истории, исторической географии региона требует учета материалов и выводов разных исторических дисциплин. Безусловно полезным видится сотрудничество топонимики и археологии, так как обе дисциплины обращены к объектам на местности, имеют дело с ареальными явлениями и заинтересованы друг в друге. Лингвистам, изучающим процессы сложения регионального топонимического ландшафта, необходима опора на вскрываемое археологами культурно-историческое присутствие в регионе древнего населения, равно как и на сравнительно точные датировки событий и вещей, разработанные в археологии. В свою очередь, для археологов важны в топонимии подтверждения их выводов о путях миграций и распространении народов, оставивших материальные следы в виде археологических памятников и культур, особенно в том, что касается этноязыковой атрибуции археологически прослеживаемого древнего населения.

Лингвисты-ономакологи, занимающиеся древними географическими именами, охотно прибегают к работам археологов, нередко предваряя свои топонимические штудии обзором историко-археологических выводов. Порой кажется, что лингвисты готовы отдать приоритет археологам даже в собственно языковых вопросах, — см., например, мнение о преждевременности решения вопроса об этиологии множества гидронимических балтизмов в Ленинградской и Новгородской областях, поскольку присутствие балтов на Русском Северо-Западе «не находит достаточного подтверждения в работах археологов» [Агеева, 1989, 201].

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-00-01583 (К) (18-00-00838).

© Васильев В. Л., Вихрова Н. Н., 2019

Напротив, большинство археологов либо вообще не учитывают топонимические исследования лингвистов, либо упоминают их вскользь, ради частной иллюстрации. Так, в ежегодно публикуемых (с 1980-х гг.) выпусках археологического сборника статей «Новгород и Новгородская земля. История и археология» ссылок на лингвистические труды почти нет. Лишь в редких случаях археологи в полной мере отдают должное топонимике, привлекая исследования топонимистов или обращаясь к анализу географических имен самостоятельно: таковы, в частности, отдельные публикации В. В. Седова (например, [Седов, 1980]). Кроме того, есть примеры равноправного успешного взаимодействия представителей двух наук. В связи с этим отметим плодотворное сотрудничество лингвиста А. С. Герда с петербургскими археологами В. А. Булкиным и Г. С. Лебедевым с целью выявления устойчивых историко-культурных зон на Русском Северо-Западе, результатом чего стало появление двух коллективных монографий и серии совместных статей.

Разумеется, необходимость сотрудничества двух наук продиктована сложностью предмета, но каждая наука имеет свой суверенитет и должна отстаивать его. Выглядит справедливым наблюдение, что «в чисто лингвистических вопросах исторические аргументы обычно приводят к ложным заключениям <...> Лингвистические проблемы должны решаться прежде всего чисто лингвистическими способами» [Trubetzkoy, 1936, 92; цит. по: Крысько, 1998, 86]. Столь же самодостаточны аргументы и методы археологии.

Действительно, мы обычно ищем сходства в конфигурациях ареалов археологических культур и ареалов разного рода топонимических моделей, но таких удачных случаев обнаруживается немного. Несходства наблюдаются гораздо чаще. Так, балтийская топонимия кучно обнаруживается на широте Великого Новгорода и севернее, тогда как ареал культур штрихованной керамики, приписываемой древним балтам, археологи обыкновенно проводят не севернее широты озера Селигер (к северу от Селигера говорят о пространстве текстильной керамики древних финно-угорских этносов). Очевидно, что лингвистический аргумент в данном случае более весом, нежели археологический: наличие многих балтизмов близ Новгорода и Волхова прямо свидетельствует о давнем присутствии здесь балтоязычного населения, которое археологи традиционно не улавливают (за некоторым исключением). Археологические культуры, как известно, бывают

полиэтническими (скажем, в сложении псковско-боровичской культуры длинных курганов VI–IX вв. участвовали финны, балты и славяне), и уже только на этом основании не стоит ожидать ареальных совпадений.

Выводы археологии, как правило, привлекаются при исследованиях массивов водных имен в регионе. Это позволяет сопоставлять именно ареалы явлений, тем более что гидронимы, относящиеся к крупным и/или линейным объектам, обычно не знают точечной локализации. Но взаимно полезным является и атомарное сопоставление фактов археологии и топонимии применительно к отдельно взятым локасам. В этом отношении прослеживается два подхода: от топонима к археологическому объекту и от археологического объекта к топониму.

В первом случае географическое название служит ориентиром для поиска археологического объекта в регионе. Зачастую именно топонимия способствует обнаружению древних городищ, селищ, могильников, святилищ. С первой половины XIX в. в первую очередь стали изучать те места в приновгородской округе, которые отмечены характерными именами: *Перынь* (считавшееся святилищем Перуна), *Волотово* (где, по местной топонимической легенде, были погребены древнерусские богатыри-волоты), сопка, известная в народе как *Могила Гостомысла*, *Холопий Городок* на Волхове, *Коломцы* на Ильмене (зная, что *коломы* означает на могильник).

Топонимия помогает вести на местности целенаправленный поиск объектов, интересных археологам. Так, название *Городок* закреплено более чем в полусотне мест Новгородской и Тверской областей, и в тех *Городках*, где велись археологические изыскания, всегда находили следы древних селений или захоронений. Топонимы со словом *княжий* (*Княжее Село*, *Княжья Гора*, *Княжна-Гора*, или *Княжья Гора*) локализуются в местах скопления археологических памятников. Потенциально важны для археологии не только многие урочища и селения с «говорящими» названиями типа *Бдыни* (к др.-рус. *бдын* ‘бдение над покойным’), *Вельско-Волосько*, *Городище*, *Городцы*, *Жальники*, *Коломно*, *Людцик*, *Могильно*, но и места с ранними названиями древнерусского облика, которые удостоверяют давнюю освоенность округи (*Миголощи*, *Раглицы*, *Теребуново*, *Уницы*, *Хутынь*).

Второй путь — от археологического объекта к топониму — нацеливает исследователя обратить внимание на (микро)топонимию вблизи

памятника археологии, поискать в данной местности ранние названия и по возможности подкрепить этимологию неочевидных названий указанием на обнаруженные здесь археологические древности. Например, название деревни *Кострони* в Новгородской области получило приемлемое объяснение от др.-рус. *костърь* ‘укрепление, башня’ ввиду того, что вблизи деревни было открыто средневековое укрепленное городище.

Агеева Р. А. Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации. М., 1989.

Крысько В. Б. Древний новгородско-псковский диалект на общеславянском фоне // *Вопр. языкознания*. 1998. № 3. С. 74–93.

Седов В. В. Некоторые ареалы архаических славянских гидронимов и археология // *Перспективы развития славянской ономастики* : сб. ст. / отв. ред. А. В. Суперанская, Н. В. Подольская. М., 1980.

Trubetzkoy N. Die altkirchenslavische Vertretung der urslav. *tj, *dj // *Zeitschrift für slavische Philologie*. 1927. Bd. 13. S. 88–97.

Н. В. Васильева

Институт языкознания РАН
Москва, Россия
vasileva-natalia@yandex.ru

Безымянность как категория ономастики: металингвистические заметки

Относится ли безымянность к концептуальному и терминологическому полю ономастики? С одной стороны, А. К. Матвеев, обсуждая термин *аноним*, писал, что «он обозначает не группу собственных имен, а отсутствие имени, его неизвестность, безымянность и находится вне ономастической рубрикации. Поэтому бессмысленны термины *анонимика, *анонимия. Нельзя изучать то, чего нет» [Матвеев, 2005, 8]. С другой стороны, литературоведами все же предлагается обобщающий термин для интерпретации фикциональных текстов, построенных на безымянности как поэтической доминанте, а именно:

© Васильева Н. В., 2019